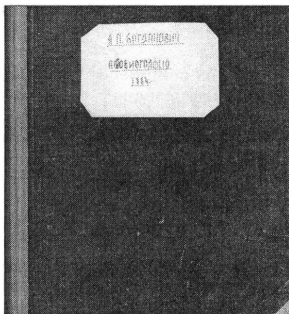

Леонид БОГДАНОВИЧ

Дневник как дыхание эпохи

Не так давно мне удалось прочитать дневник моего пра-прадеда – Леонида Парфеновича Богдановича. Эта семейная реликвия хранилась у родственников одной из ветвей его потомков, у последнего из рода Богдановичей по мужской линии. Когда я в первый раз просматривал дневник, то из-за трудностей в прочтении не смог сразу разобраться во всех деталях повествования. А вот когда набрал текст дневника на компьютере, почувствовал, что детские и юношеские откровения моего прапрадеда могут быть интересны не только мне и родственникам, но и людям, трепетно относящимся к истории родного края. Ведь читая дневник, ощущаешь дыхание эпохи, заключенное в поиске молодым человеком жизненных ориентиров, в осмыслении тех или иных событий.

Автор дневника – Леонид Парфенович Богданович. Он родился в 1862 году в историческом месте – селе Дмитровце Юхновского уезда, Смоленской губернии в семье потомственного священнослужителя Парфения Егоровича Богдановича. Его мать – Ольга Васильевна Чанцова – также родом из семьи священника. У Леонида были братья и сестры. Рамки написания дневника охватывают годы детства и юношества автора, и ближе к концу рукописи мы понимаем, что у героя случилась любовь, первая и настоящая – на всю жизнь. Более того, именно своей избраннице (Анне Васильевне Белаевцевой) Леонид посвятил свои откровения. Вторая часть дневника заканчивается 1884 годом, когда Леонид Богданович учился на последнем курсе Смоленской духовной семинарии.

Обложка рукописи
Леонида Богдановича

Как же в дальнейшем сложилась его судьба? Уже 20 января 1885 года он был определен Преосвященным Нестором, епископом Смоленским, священником в село Климов-Завод Юхновского уезда на место своего отца, вышедшего за штат по слабости здоровья. Со 2 июня того же года и по день смерти он состоял в этом селе: законоучителем сначала начального народного, а потом двухклассного министерского училища; с 1886 по 1891 г. – катихизатором, а с 1890 г. – членом ревизионного комитета Юхновского отделения попечительства о бедных духовного звания. За усердную и полезную службу по должности священника Леонид Парфенович Богданович был награжден набедренником и скуфьей, а по должности законоучителя удостоен, по ходатайству директора народных училищ, Архипастырского благословения.

К этому следует прибавить, что 20-летнее служение отца Леонида в селе Климов-Завод «ознаменовалось усиленным благоуукрашением храма на щедрые пожертвования прихожан, в какое дело он вложил со своей стороны довольно пастырского влияния, ответственной распо-

рядительности, разумного руководства, заботливости и эстетического вкуса, благодаря чему церковь как по внешнему виду, из года в год поддерживаемому в первоначальной своей свежести, так и особенно по внутреннему благоустройству являлась одной из лучших в епархии».

Леонид Парфенович, без преувеличения можно сказать, был редкий по своему усердию проповедник, он обладал хорошим голосом и был знатоком церковного пения. Под его руководством состоял церковный хор, в котором деятельное участие принимали супруга Анна Васильевна и почти все его дети. Будучи человеком слабого здоровья, Леонид Парфенович тем не менее своими душевными качествами поистине привлекал к себе сердца своих прихожан, высоко ценивших его ум и искренно любивших его за простоту и приветливость в обращении, снисходительность, незлобие, нестяжательность и никогда почти не покидавшую его жизнерадостность. Село Климов-Завод в смысле материального обеспечения его причта слыло выдающимся в епархии, но приобретение земных сокровищ, видимо, не составляло задачу жизни отца Леонида.

Л.П. Богданович скончался очень рано – на 43-м году жизни от воспаления легких. Благодаря жене – любимой Анне Васильевне (она, к слову, умерла в конце Великой Отечественной войны, пережив страшную гитлеровскую оккупацию) – выросли семеро детей: Александр, Зинаида, Василий, Мария, Валентина, Анна и Ольга. Как сложились судьбы детей Богдановичей – тема отдельной публикации. Ниже мы предлагаем вашему вниманию дневник Леонида Парфеновича Богдановича, в котором, к сожалению, не хватает несколько страниц, что, впрочем, никак не отражается на логике повествования и понимании текста.

Сергей Поляков,
г. Москва

Часть первая

Село Дмитровец – моя родина

Село Дмитровец находится в Юхновском уезде, в 24-х верстах от уездного города. Село это малолюдное, бедное, а потому и малоизвестное. Но живописное положение его слишком замечательно и может паразит всякого, не лишеного человеческих чувств. Гористая местность, большая извилистая речка с крутыми берегами, заросшими кустарником, кругом большой лес – всё это придает величественный вид селу. Но особенно Дмитровец кажется прекрасным, когда смотришь на него с левого берега речки. Это-то живописное село и есть моя родинка, моя неценно-дорогая колыбель, где я провел самую лучшую часть моей жизни – именно детство.

О, сколько я обязан тебе, мой неогороженный Дмитровец! Ты воспитал меня в своих объятиях, ты кормил меня своим ароматным воздухом, поил своею живописною водою! Сколько чувств, сколько воспоминаний оставил ты мне после себя!.. Я не могу вспомнить о тебе без содрогания сердца. Правда, ты малолюднен: состоишь всего только из десяти душ жителей? – ты беден? Но для чего мне было нужно твое многолюдство, твое богатство и слава? Дитя понимает ли важность отчих качеств? А я жил у тебя тогда, когда был еще дитя.

Мои родители

Отец мой – Парфений Егорович Богданович; родина его – село Клецово Рославльского уезда. Мать – Ольга Васильевна, урожденная Чанцова, из села Бутурлина Юхновского уезда. Мой отец был сначала священником в селе Волкове Ельнинского уезда. Там он прожил пять лет, за которые успел обзавестись и домиком, и хозяйством. В селе Волкове родились и два старших моих брата – Владимир и Вадим. В Волкове родилась еще сестра Татьяна. По истечении пятилетней службы моего отца в селе Волкове архиепископ Тимофей

перевел его в Дмитровец, приход которого состоял наполнину из раскольников. Нужно заметить, что прежде архиереи облечены были властью переводить священников из села в село по своему усмотрению и желанию. Теперь это право отнято у них – и, признаюсь, хорошо сделано.

Получив от архиерея указ, отец мой, скрипя сердцем, отправился на место своего назначения. В это время в 12-ти верстах от Дмитровца, в селе Бутурлине был священником мой родной дед, отец матери. К нему-то и приехали прежде всего мои родители, надеясь узнать от него что-нибудь о новом селе. Но несмотря на близкое расстояние от Дмитровца, дед не мог сообщить отцу никаких точных сведений о нем кроме того, что отец и сам знал о Дмитровце. Но вот приехали родители и в Дмитровец. Ужасное впечатление произвел он на них в первый раз! Больше всего, что могло броситься в глаза, – это бедность храма: крыша деревянная, во многих местах прогнившая и прикрытая рогожами; дьячки, представившиеся новому священнику, были один другого пьянее, должно быть, нарочито сговорились. Всё это тяжело отразилось на душе у отца.

По приезде в Дмитровец родители мои остановились на квартире у пономаря, так как собственного дома они еще не имели. Через две недели, впрочем, они обзавелись и собственным домиком. У прежнего священника отца Петра отец купил избушку на куриных ножках, переделал её по своему желанию и перешел со своим семейством на жительство в неё. Устроившись таким образом, отец начал заботиться и о поправках храма. По приходно-расходным книгам церковь имела 74 копейки наличного капитала. Конечно, с таким капиталом и думать нельзя было о какой-либо поправке. Необходимо было обратиться за помощью, нужно было расположить прихожан к жертвованиям. С помощью Божиего это удалось сделать. Явились жертвоприношения – и тотчас же началась поправка храма. Теперь

следует обратить внимание и на своих пасомых прихожан. Говоря по правде – это главная обязанность приходского священника. Приход же Дмитровский, как я сказал выше, состоял из большого числа раскольников, а следовательно, на него должно было обратить большее внимание. Немало трудов было отцу в раскольничью приходе. Но, благодаря Богу, эти труды остались небезуспешны: большая часть раскольников обратилась в православие.

Прихожане скоро полюбили моего отца, да и он полюбил и полюбил их. Таким образом началась тихая и спокойная жизнь в новом селе. Но, видно, не суждено было этому спокойствию пройти долго: счастливая и спокойная жизнь моих родителей успела только начаться, она, как блуждающая звездочка, на один миг только блеснувши, снова скрылась за горизонтом. Через год одно за другим посыпались несчастья: сначала умерли у моих родителей две дочери, потом два средних сына, а затем наступило и устройство по хозяйству: попадали все лошади и половина домашнего рогатого скота. Одна дочь умерла в Волкове. Остальные два сына и дочь умерли в Дмитровце, но все четверо схоронены в с. Бутурлине. Лишиться того, что приобреталось годами, в одну какую-нибудь неделю – чего-нибудь да стоило! Нужно было снова заводить хозяйство, а для этого требовались деньги. Денег требовало и образование двух старших сыновей, которые к тому времени уже достаточно подросли. Что делать? Пришлось навешать на шею долги. И вот на долговые деньги куплены были две лошади.

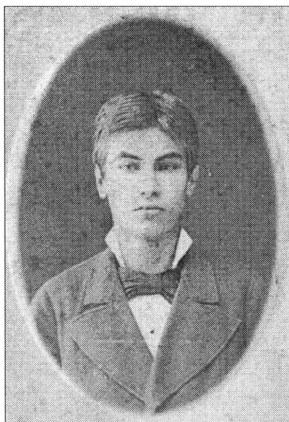
В сентябре месяца этого же года отец отправился на новых лошадаках в Вязьму, для определения двух старших сыновей в духовное училище. Старший из них Владимир был определен прямо в среднее отделение, младший Вадим – в низшее. Радый отец возвращался уже домой, как на половине пути одна из купленных лошадей была отобрана у него, так как оказалась украденною. Отцу предоставлено было право требовать деньги с

продавца. Но продавец – кочующего цыгана – и след простыл! Это обстоятельство было как бы предзнаменованием для последующих больших бедствий. И действительно, с определением детей в училище началась самая бедственная жизнь моих родителей. Пустячные приходские доходы, при всей расчетливости, никогда не могли покрыть расходов.

Моя биография

В 1862-м году в ночь под 14-е марта родился у моих родителей последний сын Леонид. Этот Леонид есть я. Биографию свою я начну не со дня своего рождения, а с той самой минуты, когда начал понимать окружающий мир, когда в состоянии был отличить белое от черного, горькое от сладкого и пр. и пр. Когда наступила эта минута, борода у моего отца была уже наполовину седая; и таким образом я лишен был удовольствия видеть отца молодым во всю мою жизнь. Старший брат мой в то время был уже в 3-м классе Смоленской семинарии, второй – в 1-м классе той же семинарии, а третий – Александр еще был в среднем отделении Вяземского училища.

Как будто сейчас представляют пред глазами те долгие зимние вечера, в которые я, сидя возле матери, что-либо работавшей, слушал её сказки или же своим детским голосом пел с нею песни. Отец в это время, сидя в своем кабинете, – или читал, или же писал что-либо. По временам он входил в нашу комнату, но не более как минут на пять или на десять. Эти минуты были для него отдыхом от работ, которыми он неуспынно занимался. Случалось, впрочем, когда отец и не занимался в своем кабинете, и целый вечер просиживал с нами; он читал нам тогда какую-нибудь книгу или газеты, а мы с мамашею слушали. Когда же отец бывал чем-нибудь огорчен, он, заложив руки за спину, принимался ходить по комнате. Мать, желая успокоить опечаленного отца, начинала, обыкновенно, заговаривать с ним о каком-либо предмете, и таким

Студент Леонид Богданович

образом огорченный отец развлекался. Но не всегда моей матери удавалось развлечь отца. Бывали минуты, когда он был недоступен. Вот в такие-то минуты, наученный матерью, являлся утешителем отца я. Обниму его, бывало, за шею и начну ласкаться, и никогда-то он не устоявал против моих ласк! Замеется, бывало, и начнет со мною играть. А мне это только и нужно было. Я сейчас начну предлагать отцу различные вопросы: кто, например, во всем свете сильнее всех, кто более всех? и т.д. – вопросы были самые детские, на которые отец всегда с удовольствием отвечал. По крайней мере, мне так казалось. Я знал от братьев, приезжавших на каникулы домой, названия некоторых зверей, как например: льва, тигра, носорога и других. Но я не знал – какой из всех этих зверей сильнее всех? А потому и являлся за разрешением к отцу. Отец, слушая мою болтовню, не мог удержаться от смеха, мать тоже. И таким образом я самым невинным способом развлекал отца, мать была довольна мною, а я был доволен тем, что удачно исполнил желание матери, хотя вовсе не понимал цели его.

Летом я почти не жил дома, а всё теплее времечко проводил на реке. Домой я приходил только затем, чтобы пообедать. Пообедавши же,

я снова уходил на речку: там ловил я рыбу, раков, а иногда и лягушек.

Товарищей детства у меня не было. Правда, в селе Дмитровец были мне ровесники две девочки; но с ними я не жил в ладу. Настя и Матреша. Две вместе они были сильнее меня – и всегда меня били; зато, если мне приходилось встречаться с какою-либо одною из них, тогда я мстил за каждый побой двойным и тройным побоем.

Шалун я был необыкновенный и притом бесстрашный. Но два замечательных факта в моей жизни совершенно изменили меня. Насколько я был прежде бесстрашен, настолько сделался впоследствии труслив – и это последнее качество сильно отразилось на мне.

В одно – не знаю – благоприятное или неблагоприятное время загорелся у нашего сельского пономаря овин. Я, как шаловливый и любопытный мальчик, со всех ног побежал на пожар. В одну минуту взобрался я вместе с большими мужиками на крышу овина и тотчас же провалился вовнутрь его. Сначала, за большою суетою, не заметили моего исчезновения, но услышав мой неистовый крик, народ бросился спасать меня. Кто знает? – может быть, я был бы жертвою огня, если бы не хохловский (деревня Хохловка находилась в полверсты от Дмитровца – *примечание С.П.*) Спиридон, кузнец: он очень ловко подхватывал меня багром за визитку и со скоростью вытащил из овина. От ожогов я спасся; зато с этого времени стал большим трусом. Словом, во мне вполне отразилась пословица «Пуганая ворона и куста боится». Другой факт в моей детской жизни был не менее важен для меня. Дело было на самое светлое Христово Воскресение.

Весь почти Дмитровский приход находится за рекой Угрой, а поэтому духовенству для выполнения какой-либо приходской требы сначала нужно было переехать через речку. В Дмитровце для переправы через реку Угру находился паром и одна лодка. На пароме сперва перевезены были надкрестники с образами, а потом

и лошади, назначенные для перевоза приходского духовенства из одной деревни в другую. Когда же перевозили лошадей, то на этом же самом пароме вместе с братом Александром переехал и я на другой берег. Поигравши там несколько, я один на лодке отправился обратно на свой берег. Паром и лодка переправлялись через речку посредством каната, а вследствие чего переправа была довольно легкая и скорая, так что и для меня, мальчика, она не могла быть тяжелой. Теперь к делу. На самой середине речки канат был связан узлом – конечно, собачьим. Лодка, дойдя до этого узла, толкнулась в него. Но так как я плыл довольно быстро, то, следовательно, и удар лодки об узел был очень силен, – и я со всего размаху свалился в воду. Живо схватился я руками за лодку; а лодка, как будто вполне сознавая свою вину, зацепившись за канат, спокойно стояла и ожидала, пока я снова взберусь на неё. При всем моем желании сесть на лодку, я не мог сделать этого скоро: овчинный тулупчик, бывший на мне, намак и сделавший слишком тяжел; теплые свальные сапоги, в которые я был обут, наполнились водою и тоже прибавляли тяжести моему телу. С обоих берегов речки народ кричал и ахал; но этот крик несколько не придавал мне силы и мужества для спасения. Мать, не зная, как подать помощь, в отчаянии ломала себе руки. Наконец, кое-как мне удалось закинуть в лодку левую ногу, и я, держась рукою за лодку и поддерживаемый ногою, снова взобрался на нее – и с прежней быстротою помчался к берегу. Не могу описать резких переходов от негодования к радости, с какими встретила меня на берегу мать. Она то бранила, то целовала меня от радости.

Несмотря на такую катастрофу и на угрожающую мне от нее болезнь, я всё-таки отправился с отцом по приходу. На второй день после пришествия я заболел и тотчас же был отправлен отцом домой. Болел я недолго – всего только четыре дня. А потом снова здоров, и снова проказы.

**Будущая жена
Л.П. Богдановича
Анна Васильевна Белавенцева**

Мое приготовление в школу

На 9-м году я начал учиться. Учителем моим сначала был отец, потом дядя, брат матери, а затем сын нашего сельского дьячка, окончивший курс Вяземского духовного училища. Причина, почему отец не учил меня сам, а отправлял других учителям, была крайняя его раздражительность от различных неудач и неудовольствий. Как я сказал раньше, с определением в училище моих старших братьев началась самая бедственная жизнь моих родителей. Я, будучи дитятей, не раз видел, как мой отец, терзаясь горем, ходил по комнате и размахивал руками. Прежде, бывало, в такие минуты я всегда развлекал отца своими детскими выходками. Но теперь было не то: я начинал ласкаться к нему, но видел, что эти ласки только раздражали его. Своим детским сердцем я чувствовал, что отцу должно быть очень тяжело, что он ни на что не обращает внимания. Действительно, человеку утешительному, каков всегда был мой отец, создавшему себе план для жизни и для выполнения его ни перед чем не склонявшемуся или, лучше сказать, не хотевшему склоняться, трудно и очень трудно было терпеть на каждом шагу преграды

и неприятности. Ему хотелось жить и наслаждаться жизнью, а тут на всяком шагу препятствия. Подойду, бывало, я к мамаше, сяду с нею рядом, да и спрошу у нее тихонько: из-за чего скучает папаша, отчего он сердится на всех? А она и скажет мне: «Волюдя (мой брат) прислал из Смоленска письмо и пишет, что на папашу подано прошение, он и сердится теперь». Такие случаи были нередки. Брагов у отца моего было много, и враги были самые злые и бессовестные. Любвью окружных священников отец мой не пользовался. Он слыл за гордеца-бочога. О долгах же его знали только те, кому он был должен (у кого он брал). Это дядюшка о. Агапий, бывший Юхновский игумен, а ныне архимандрит Колочский и о. Василий Чанцев, Рупосовский священник. Много помогал отцу и бывший в Дмитровском приходе помещик Раньковский. Сам отец скрывал свою бедность. Он всегда выезжал на паре лошадей и притом с колокольчиком. Уж таков характер его, который, впрочем, отразился и на нас, его детях.

Узнав от матери о причине скорби моего отца, уйду, бывало, я на берег реки, сяду на пригорочке в кустарник – и здесь соединится в моей детской душе всё для меня дорогое, весь мой мир, вся моя радость. Я хорошо помню это место: оно находится akurat против церкви. Частенько сживался я там в минуты грусти и любовался окружающею природою. Каждый кустик, каждое деревце знали меня, я любил их, а за это и они там любили меня. Прошелчет, бывало, ветерок, закачают вершины олешиника, а мне кажется, что они говорят мне что-то ласковое, доброе, заплет синичка, и я знаю, что она дала меня поет, мне рассказывает, потому что кому же нужна была ее песня, не мне, который с любовью слушал ее. И всегда я являлся с этого места веселый и радостный. О, как тяжело вспоминать мне о прошедшей жизни! Может быть, такую жизнь и теперь живут многие, может быть, и будут жить ею; но для меня такая жизнь безвозвратна! О, зачем я не могу снова встретить тебя?

Итак, я начал учиться. Проходили дни за днями, а успехи мои подвигались очень туго. Причина плохого хода дела скрывалась, отчасти, во мне самом, в моей рассеянности, а отчасти – и в плохом и незнакомом с делом учителем. Но как бы там ни было, дело, хотя и очень медленно, все-таки подвигалось вперед. За полтора года я почти хорошо читал, писал и знал несколько молитв. На следующий год окончил курс мой старший брат Владимир и принял на себя должность моего учителя. Этот новый учитель оставил мне по себе большую память. Он драл меня розгами почти каждый день. Я же упорно, несмотря ни на какие наказания и угрозы, продолжал не заниматься. Брат, видя неуспех, оставил занятия со мною. Через несколько времени он уехал в Смоленск и поступил на кондидию к бывшему градскому голове г. Потемкину, а я был оставлен на произвол судьбы. В этом году, нужно заметить, я предназначался к поступлению в Духовное училище, тогда как я далеко еще не был подготовлен к этому. Отец, по-видимому, не обращал внимания на мое учение. Он не принуждал меня к дальнейшему образованию, а заботился только о том, чтобы я не позабыл прошлое, т.е. ту мудрость, которую я уже успел постигнуть в науках. Заметив мою большую охоту до сказок, он купил их мне целую сотню и отдал их в мое полное распоряжение. И без всякого побуждения, взявши несколько книжечек, отправлялся обыкновенно на свое заветное местечко, на берег речки, садился на пригорочек и читал их, а вечером рассказывал прочитанное отцу или матери. Так проводил я время до вакансии, когда приехали из Смоленска мои два средних брата – Вадим и Александр. На вакансии начал готовить меня к экзамену Вадим. За полтора месяца, при помощи его, я выучил два арифметических правила – сложение и вычитание, выучил краткую священную историю и маленький катехизис. Читать я умел очень хорошо. Таким образом к концу вакансии я был готов к экзамену. Но говорю, чтобы я был приготовлен хорошо, но, во всяком

случае, с грехом пополам, мог надеяться на поступление в училище. Наступал конец вакансии, начались сборы к отправлению меня на экзамен в Вязьму. Не могу определить того моего состояния, когда поданы были уже под крыльцо лошади, чтобы утащить меня в Вязьму, оторвать от родного дома и села, лишитъ детской свободы и бросить там где-то, в какой-то Вязьме, вдали от родных, в кругу людей совершенно мне незнакомых, – это мне казалось страшным, даже ужасным! Но чему быть, того не миновать. Я приехал в Вязьму, выдержал экзамен и был оставлен один, как и ожидалось. Проводивши из Вязьмы отца, я бросился на свою кроватку и горько заплакал... Тысяча несообразных дум вертелась в моей маленькой голове. Но волею или неволею я должен был смириться, покориться неумолимой судьбе и, хочешь – не хочешь, привыкнуть. Да я привык, но только с большим трудом! Так кончилась моя домашняя детская жизнь и началась новая.

Я – ученик Вяземского, а потом Смоленского училища

Прошел ровно год после определения моего в училище – и я был переведен во 2-й класс. В этом же самом году окончил курс в семинарии второй мой брат, Вадим, и жил пока дома. А старший брат Владимир получил священническое место при Смоленской Свирской церкви и разъезжал по Смоленской губернии, попросту говоря, отыскивая себе по нраву невесту. Наконец выбор пал на Марию Флоровну Яблонскую, дочь Краснинского протоиерея. Дело было в октябре месяца. Я с нетерпением ждал свадьбы брата, так как хорошо знал, что родители мои, отправляясь на свадьбу брата, заедут непременно и на меня по-смотреть. Итак, я ждал свадьбу, как причину свидания с родителями. Мои ожидания не были напрасны. Отец и мать заезжали в Вязьму два раза: ехавши на свадьбу и на возвратном пути.

Из 2-го класса Вяземского училища после Святой недели я был переведен в тот же класс училища

Смоленского, куда в то время поступил надзирателем мой второй брат Вадим. Но через год он вышел из училища и поступил священником в село Дмитровец на место отца, перешедшего в село Климово.

Смоленское училище – это ужасное учебное заведение. Нигде не получают отрочество и юношество (период жизни, важный для усвоения привычек и начала образования характера) столько грубости и невежества, как в наших духовных училищах. И от кого же исходит зло, развращающее юных учеников? От кого бы вы подумали? Ответ очень простой – от самих же господ воспитателей. Слово «воспитатели» присвоено учителям училища только для формы, для значения; на самом же деле они вправде называются только развратителями. Я не говорю об учителях всех духовных училищ, так как я всех не знаю. Я скажу лишь только о смоленских учителях. Вяземские учителя не лучше, но о них говорить не мое дело. Состав учителей Смоленского училища на подбор; но особенно выделяются своею оригинальностью два из них: учитель арифметики и географии г. Гордский и учитель греческого языка г. Белавенцев. Я не говорю, чтобы они не знали тех предметов, которые они преподают. Нет. Я скажу только о их чрезвычайной дерзости и деспотическом обращении с учениками. У этих учителей была такая замашка, которая простительна была только помещикам во время крепостного права. Помню, у меня был один товарищ с замечательно большою головою. Уж сколько он, бедный, претерпел различных нареканий от этих двух учителей. «Эй, ты!» – прикрикнет, бывало, на него учитель греческого языка, «Мухтар-паша? – сиди смирно, а то уши оборву!» А если, случалось, какой-либо ученик не знал урока, то такой переносил от г. Белавенцева самые адские поругания. Таковой получал, обыкновенно, плевков со словами: «Изгои из него всякого нечистого». Может быть, я, как обиженный, делаю и неправильный отзыв, но приведенным подлинными словами. Ученики

Иоанно-Предтеченский монастырь, в котором располагалось Вяземское духовное училище. Фото начала XX века

втихомолку захихикали, а учитель, самодовольно разгладивши свою окладистую бородку, пройдет по классу и, по-видимому, останется очень доволен своим сарказмом. Не раз и я за плохое свое знание греческого языка получал отчитывания от этого ревностного педагога. Перед экзаменом г. Белавенцев необыкновенно бывал сердит. Он то обзовет ученика сибиряком, то арестантом, то посоветует выкупаться в Днепровской воде, чтобы очиститься от прегрешений. А то схватит иногда ученика за ворот сюртука или визитки да как гаркнет своим молодецким голосом: «Уж подлущу я тебе жучка!» Что разумел под жучком г. Белавенцев – ему знать, а для нас учеников это было непостижимо.

Относительно же Городского и говорить стыдно. Это было олицетворенное безобразие. Он допускал в классе при учениках такие фразы, о которых за лучшее считаю умолчать. При всем своем прекрасном знании преподаваемых предметов, г. Городский был и есть наисквернейший педагог. О частной домашней жизни Городского ученики знали не с хорошей стороны, выдывали его и пьяненьким, ползущим на четвереньках. Подобные явления бывали хотя и редки, но, во всяком случае, не безызвестны

были ученикам. И, я думаю, что это на последних вредно действовало; иначе, по моему мнению, не сложилась бы тривиальная поговорка: «Каков поп, таков и приход», хорошо, впрочем, идущая в подобных обстоятельствах.

В 3-м классе училища, при переходе в 4-й кл., я получил передержку по латинскому языку. На передержке провалился и оставлен был на второй курс. В 1879 году в июне месяце я перешел в 4-й класс училища и на первой же трети 4-го декабря тяжело заболел тифом. Болезнь моя продолжалась ровно два месяца. 3-го февраля я вышел из больницы и вместе с братом Александром отправился домой на масленицу. (Брат уже окончил курс и был смотрителем Архиерейских певчих.) Теперь скажу кое-что о Климове, где жили мои родители, и о масляньских каникулах, проведенных мною после болезни.

Климово сравнительно веселое село, по количеству жителей – большое и по красоте зданий – очень хорошее; словом, во всех отношениях лучше Дмитровца.

Поступив в село Климово, отец начал строить, т.е. обзаводиться жилищем. Для постройки потребовались деньги, а их нет. Положим, отец имел 500 рублей от продажи Дмитровского дома свое-

му сыну; но этих денег было мало. Климовский дом с различными прилежащими постройками стоит не пятьсот рублей, а несравненно более. Конечно, отцу пришлось занять денег. Но вот дом со всеми надворными и огородными постройками окончен. Назначено новоселье на масляньной неделе 7-го февраля, на самый день именин отца, к которому приехал из Смоленска и я вместе с братом Александром. Мне, только что вышедшему из больницы и еще неокрепшему в силе, было не до веселья, и потому, несмотря на вечерок, устроенный отцом по поводу новоселья, именин и приезда детей, я легши на мякенькую кроватку, уснул и отправился в область Морфея. Проснулся я уже тогда, когда было в доме повсюду тихо и мирно – это назавтра утром. Остальные дни масленицы я проводил почти так же, как и первый. Но вот прошла она, широкая масленица, а вслед за нею первая неделя Великого поста – и мы с братом были уже в Смоленске.

Прошли дни, проходили недели и месяцы, и подступили выпускные экзамены из училища, а потом приемные в семинарию. Я с плохой подготовкой в училище очень боялся этих экзаменов. Но, благодаря Богу, они сошли для меня очень благоприятно. И таким образом я приехал домой в село Климово на вакацию уже семинаристом. Эта вакация была одна из лучших проведенных мною. Хороша она была тем, что я был вполне спокоен духом; радовался, что счастливо окончил прошедшее и склонялся в неведении пред будущим. Я знал, что будущая жизнь моя должна несколько измениться, но как она изменится, я не думал, да, признаться, и не хотел думать. Для меня было всё равно... Я был семинарист – и как-то по-детски гордился этим.

Конец 1-й части

Со временем я перепису свою биографию. Кое-что нужно выбросить, а кое-что прибавить.

Продолжение следует.